

благоразумнымъ, заботиться о своемъ здоровьѣ, смотрѣть равнодушно на многочисленныя торжественныя пустяки, которыми тѣшатъ себя люди, относиться доброжелательно ко всякому, — и построишь свою жизнь по плану, во многомъ напоминающему домашній бытъ Толстого. Такихъ людей немало и въ Россіи, и въ другихъ странахъ.

Въ частной жизни Толстого есть фактъ, болѣе крупный, нежели все перечисленное: отказъ отъ дохода, который могли бы принести сочиненія послѣднихъ 20 лѣтъ. Этотъ отказъ представляетъ явленіе необычное, исключительное. Онъ можетъ производить впечатлѣніе на людей, которые живутъ согласно съ началами господствующей нравственности. Но и эти люди не будутъ единодушно признавать такой образъ дѣйствій особенно возвышеннымъ. Лучшіе изъ этихъ людей будутъ склонны разсуждать такъ: «виѣто того, чтобы не извѣкать дохода изъ своихъ сочиненій, предоставлять ихъ изданіе всѣмъ желающимъ и тѣмъ лишь немного понижать ихъ цѣну, только копѣйками уменьшать годовой расходъ малосостоятельной семьи на эти сочиненія, слѣдовало бы получать доходъ и на сбереженныя суммы, которыя могутъ быть очень велики, создать учрежденіе въ интересахъ бѣднѣйшихъ классовъ». Такова будетъ оцѣнка многихъ хорошихъ людей, которые не отрѣшились отъ мысли, что современная жизнь открываетъ достаточный просторъ для возвышенныхъ, въ высокой степени полезныхъ начинаній. А въ то же время отказъ Толстого не можетъ удовлетворить человека, принявшаго его идеаль. Разъ Толстой повѣдалъ всему міру, что жалованье въ тысячу рублей ежегодно составляетъ уже очень большую сумму, которая рѣзко отдѣляетъ семью отъ рабочихъ людей, то отказъ наживать деньги на изданіи сочиненій не обнаруживаетъ самопожертвованія со стороны человека, который, и помимо дохода отъ литературнаго труда, пользуется хорошими средствами и можетъ вести жизнь спокойную и пріятную.

Такова моя оцѣнка частной жизни Толстого. Я отмѣчаю ея слабыя стороны, смотря глазами того, кто превозноситъ его, главнымъ образомъ, какъ нраво-учителя. Если такой цѣнитель будетъ послѣдователенъ, то отдастъ предпочтеніе цѣльности многихъ праведниковъ любой религіи и безчисленныхъ неустрашимыхъ борцовъ за народную свободу. Я лично не придаю значенія философіи Толстого и считаю его домашній бытъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходнымъ.

IV.

Не слѣдуетъ преувеличивать значеніе и послѣднихъ дней его жизни. Въ бѣгствѣ изъ Ясной Поляны многіе видятъ нѣчто исключительное и возвышенное. Не лучше ли дать всему этому простое, общепонятное объясненіе.

Человѣкъ дожилъ до того возраста, когда безчисленныя связи, соединяющія съ семьей, друзьями, привычными занятіями, даже обычной обстановкой, замѣтно ослабѣваютъ. Раньше, при полнотѣ силъ, человѣкъ увлекало многое изъ окружающихъ условій, увлекало настолько, что ему не доставало силы воли, дабы осуществить планъ жизни, который онъ строилъ для себя и выдвигалъ для другихъ. Однако, старость взяла свое. Мысль о смерти нерѣдко преслѣдовала его и раньше; она заставляла человѣка скорбѣть о непослѣдовательности, изливать жалобы въ устной и письменной бесѣдѣ, но старинныя привычки удерживали въ привычной колеѣ. Теперь эта мысль властвуетъ въ душѣ; соблазны отступаютъ назадъ; человѣкъ собираетъ «статки воли и рѣшается провести недолгіе годы жизни, быть можетъ, только мѣсяцы, болѣе или менѣе согласно съ тѣмъ, что говорить ему общежитійская мораль, или же идеалы, которые сложились въ его умѣ. Московскій или ярославскій богачъ, не муд, ствуя лукаво, строить на старости лѣтъ обширный храмъ и покрываетъ густою позолотой его